

18+

В.Ю. МИРОШНИЧЕНКО

РАССЛЕДОВАНИЕ ХАРАКТЕРА

ДЕЛО № 2

Шизоиды

ДЕЛО № 3

Истероиды

ДЕЛО № 1

Ананкасты

год _____
итесь _____ лет

В. Ю. Мирошниченко

Расследование характера

«Издательские решения»

Мирошниченко В. Ю.

Расследование характера / В. Ю. Мирошниченко —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-674689-3

Книга посвящена проблеме психологии характера и стилизована под детектив. На примере анализа трех типов характеров (ананкастного, шизоидного и истероидного) автор представляет оригинальный взгляд на проблему формирования характера в рамках положений психодинамической концепции (тифоанализа). Характер рассматривается через призму дефицита потребности, уникальной для каждого типа характера. Адресовано психологам, психотерапевтам и широкому кругу читателей, интересующихся вопросами психологии.

ISBN 978-5-00-674689-3

© Мирошниченко В. Ю.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Сизиф и проблема лишнего веса характера	7
Метод	13
Дело об ананкастах	20
Улика №1: Страх	22
Улика №2: Ритуалы	24
Улика №3: Сомнение	26
Улика №4: Удерживающий модус	27
Улика №5: Секс	29
Предварительные размышления	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Расследование характера

В. Ю. Мирошниченко

*Моим родителям
Юрию Викторовичу и
Людмиле Михайловне
посвящаю*

Издание второе, исправленное

© В. Ю. Мирошниченко, 2025

ISBN 978-5-0067-4689-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Эта книга о характерах. Она написана в стиле, необычном для книг по данной теме. Вместо обстоятельного рассмотрения многочисленных черт характеров в различных сферах жизни и под разными углами читателю предлагается отправиться на поиск первопричин и мотивов формирования того или иного психологического типа.

Цель поиска – найти отправную точку, с которой начинается «самосборка» личности в рамках логики определённого типа. Поскольку многие причины характеров не только не очевидны, но и скрываются и поскольку за тем, что скрывается, в итоге обнаруживаются психологические травмы, утраты и жертвы, то расследование характера – оправданный метод в установлении истины. При таком подходе ведущие черты характера будут выступать ключевыми уликами, описания психотипов разными исследователями – свидетельскими показаниями, а найденная ущемлённая потребность, лежащая в основе каждого характера, – тем преступлением, которое совершается против жизни и здоровья.

Мы будем обращаться к большому числу цитат (свидетельств) из трудов других авторов. Это обусловлено задачей проведения объективного расследования, где факты должны находить подтверждение в свидетельствах из разных источников.

Из множества типов характеров расследованию подлежат будут три: ананкастный, шизоидный и истероидный. Эти типы наиболее ярки в своём проявлении и хорошо изучены, что даёт необходимый фактический материал для анализа в достаточной мере. Можно сказать, что практически все важные улики давно найдены и каталогизированы. Нам лишь остаётся пройти по установленным следам к одной непротиворечивой версии в каждом из трёх случаев характеров.

Идея рассмотреть малое число типов личности позаимствована нами из книги Фрица Римана «Основные формы страха», в которой немецкий психоаналитик уделяет внимание только трем характерам и анализирует их через содержание фобий, специфических для каждого психотипа. В нашем расследовании страхи также будут служить важнейшей уликой для вскрытия глубинных причин характеров, хотя и с других теоретических позиций.

Как и в любой книге о характерах, повествование о них неизбежно принимает обобщенную форму. Однако стоящие за общим описанием психотипа люди вполне осязаемы и реальны. Следовательно, любые совпадения текста с окружающей действительностью не случайны. Быть может, с кем-то из трёх типов характеров читатель сталкивался в своей жизни. Быть может, кто-то из них прямо сейчас находится рядом с читателем. А быть может, тяжёлую ношу характера несёт сам читатель.

Сизиф и проблема лишнего веса характера

Безусловно, древние греки гораздо лучше нас понимали смысл своих мифов и составляющих их сюжетных деталей. Нам остаётся лишь проецировать на материал архаики современные взгляды и понятия. Об ограниченности этих проекций не стоит забывать. Вместе с тем начало новым интерпретациям древних мифов было положено З. Фрейдом и затем подхвачено многими представителями психоаналитической школы. Не будем отходить от доброй традиции глубинной психологии и в начале повествования о характерах обратимся к мифу о Сизифе. Выбор этого мифа в контексте изучаемой проблемы не случаен. Именно история Сизифа затрагивает многие психологические аспекты проявления характера.

Напомним несколько дошедших до нас вариаций на тему жизни Сизифа.

Сизиф был сыном царя Эола, основателем и правителем Эфиры (Коринфа). Гомер называл Сизифа «наихитрейшим» из людей. Не силой и отвагой, но хитрыми комбинациями и обманом коринфянин практически во всех своих предприятиях добивался успеха.

Благородное происхождение и положение Сизифа давали ему значительные преимущества в получении жизненных благ и организации досуга в беззаботном времяпрепровождении. Но, надо полагать, Сизиф не был в полной мере удовлетворён предоставленными возможностями, что побудило его вступить в рискованные отношения с могущественными богами.

Случилось так, что Зевс соблазнил, похитил и укрыл на острове Энона дочь речного бога Асопа красавицу Эгину. Девушку в целом устраивал такой романтический поворот в судьбе, но Асоп имел другое мнение. Речной бог был неутешен и желал во что бы то ни стало вернуть дочь. Благодаря тому, что остров Энона находился недалеко от прибрежной Эфиры, Сизифу удалось подсмотреть за любовными похождениями громовержца. Он правильно оценил рас-

клад в сложившемся межличностном треугольнике и предприимчиво решил извлечь из ситуации выгоду. Коринфянин предложил Асопу обменять информацию о нахождении дочери на предоставление речным богом воды для Эфиры. При этом Сизиф, видимо, не особо доверял чужим обещаниям и условился раскрыть тайну места нахождения Эгины Асопу не раньше, чем тот даст воду Эфире. Асоп согласился. Сделка состоялась. Город получил воду, а отец – дочь.

Контракт с Асопом только на первый взгляд был малозатратным для царя Коринфа. Вторгающийся в отношения пары рискует получить агрессивный отпор, а осмелившийся вмешаться в божественную любовную связь неотвратимо навлекает на свою голову кару небес. Возмущение Зевса было предсказуемым, а наказание виновника за проступок максимально жёстким. Он не только захотел изъять у Сизифа какие-либо жизненные блага, но и решил отнять самую возможность получать их, что технически у богов достигалось путем лишения человека жизни. Громовержец послал за Сизифом бога смерти Танатоса. Однако хитрейший из смертных сумел обмануть жнеца душ и заковал его в цепи. Пока Танатос был в плену, люди не умирали. Но биологически противоестественное положение дел продолжалось недолго. Через несколько лет бог войны Арес сумел освободить Танатоса. Само собой разумеется, что первой своей жертвой после вынужденного простоя в работе бог смерти мстительно избрал Сизифа. Царь Коринфа был водворён в Аид.

Но Сизиф не считался бы наихитрейшим из людей, если бы решил, что на этом игра с богами закончена. Правила любой игры предусматривают как условия проигрыша, так и условия выигрыша. Иной мошенник может повысить шансы на выигрыш, не соблюдая условия проигрыша, правда, до тех пор, пока не будет уличён в недобросовестности. Поэтому высокие ставки в игре диктуют участникам необходимость предельной бдительности. Но если при этом сам мошенник выступает поборником соблюдения правил, то на время он может снять с себя подозрение в обмане. Сизиф выбрал именно эту тактику поведения в последний момент расставания с жизнью.

Перед уходом в Аид Сизиф, втайне от богов, строго запретил супруге совершать после своей смерти погребальные обряды. Жена покорно выполнила наказ мужа. Боги были сильно озадачены и рассержены поведением вдовы. Пользуясь моментом, Сизиф обратился к жене Аида Персефоне и вызвался лично наказать свою супругу за несоблюдение священных законов, потребовать немедленное проведение собственных похорон и принесение положенных богам жертвоприношений.

Видимо, в древнем мире достаточно высоко ценилось соблюдение установленных предками традиций и обычаев, даже в ущерб здравому смыслу. Только этим объясняется то, что Персефона доверилась словам человека, с лихвой запятнавшего свою репутацию, и согласилась на беспрецедентный поступок – ненадолго отпустить Сизифа в мир живых для исправления провинности супруги и организации собственных похорон.

Сизиф вышел из подземного царства в мир живых, вернулся в родной город и сразу решил, что с Коринфа богам выдачи нет. Дома он почувствовал себя намного лучше, чем в Аиде, и не стал возвращаться в обитель теней. Вместо этого Сизиф принялся пировать и радоваться жизни. Так продолжалось несколько лет. В оправдание древнегреческого героя можно было бы задать прагматичный вопрос гоголевского еврея Янкеля: «Чем человек виноват? Там ему лучше, туда и перешёл». Но боги этой логики не принимали, и вина Сизифа для них только усугубилась. После того как на Олимпе спохватились и отсутствие обманщика было обнаружено, за ним был послан Гермес. Перехитрить самого бога хитрости наихитрейшему из людей уже не удалось. На этот раз Сизиф был окончательно этапирован в загробный мир. Больше попыток дезертирства коринфянина из рядов мёртвых боги не допускали.

Ещё несколько штрихов к портрету Сизифа.

За свою жизнь Сизиф успел насолить не только богам. Не всё было у него просто в отношениях с родственниками. Он враждовал со своим братом Салмонеем. Враждовал

настолько, что попросил у оракула Аполлона совета о верном способе убить брата. Бог предложил Сизифу изощрённый план и посоветовал изнасиловать дочь Салмонейя Тиро. Рождённые от Сизифа сыновья-близнецы должны были впоследствии убить Салмонейя. Коринфянин последовал совету, но коварному замыслу не суждено было сбыться. Тиро узнала о планах Сизифа и умертвила сыновей.

Другой факт биографии Сизифа касается его отношения к обидчикам. Обманывая людей и богов, Сизиф не терпел попыток обмануть себя. Однажды не менее известный хитрец и разбойник Автолик стал воровать коров из стада Сизифа. Разуму Сизифа что-то подсказывало, что это проделки Автолика, так как скота у разбойника со временем становилось больше ровно настолько, насколько уменьшалось его у правителя Коринфа. Но прямых улик, указывающих на Автолика, у Сизифа на руках не было. И пока сизифово поголовье окончательно не растаяло, он тайно пометил своих животных под копытами специальным знаком, что позволило наконец уличить Автолика в краже. Простой возврат коров для Сизифа не уладил всего конфликта, и чтобы пуще отомстить экспроприатору, он овладел дочерью Автолика Антиклеей.

В одной из версий мифа Сизиф сам был низведен до статуса простого разбойника. Он совершал незаконные набеги на Аттику, нападал на путников и убивал их весьма мучительным способом – придавливая огромным камнем.

Обозревая жизнь Сизифа, мы находим признаки состава далеко не одного преступления. За все свои деяния против людей и богов коринфянин получил в Аиде суровое наказание вечно вкатывать тяжёлый камень в гору, но как только валун достигает вершины, он неизбежно устремляется вниз. Сизиф бесчисленное количество раз возвращается к подножию горы и вновь начинает свой труд. Когда пишутся эти строки, Сизиф всё ещё не властен прекратить работу и катит и катит свой камень...

Можно строить предположения о том, восхищали ли обманы и хитрые комбинации Сизифа древних греков и могли ли они снисходительно отнестись к герою-нарушителю клятв, но сочинители мифов явно неслучайно определили пораженческий удел его судьбе. Посмертное воздаяние традиционно основывается на принципе зеркальности и соразмерности земной и загробной жизни, преступления и наказания. Как правило, потустороннее гармонично уравновешивает мирское, и миф о Сизифе здесь не исключение. Вместо царской праздности Сизиф обрёл посмертный тяжкий труд, сравнимый с работой рабов в каменоломнях. Вместо лёгкого удовлетворения своих прихотей за счет ресурсов других коринфянин получил постоянное напряжение собственных сил и отсутствие какой-либо помощи со стороны. Вместо обмана других людей Сизиф обречён вечно обманываться сам, надеясь на возможность завершения своего труда с каждой новой попыткой подъема камня. И, наконец, вместо сиюминутного удовольствия и кратковременной выгоды он был ввергнут в положение вечного страдания.

На отсутствие у древних греков симпатии к образу Сизифа указывает то, что в загробном мире ему отведено фактическое положение раба и назначена крайне изнурительная работа. По античным понятиям физический труд считался позорным занятием, не подобающим свободному человеку. Рабы имели статус вещи, «говорящего орудия». Как известно, ученик Сократа Ксенофонт советовал свободным грекам обращаться с рабами как с животными. Следовательно, царь Коринфа в Аиде не просто наказан изнурительными физическими нагрузками, но унижен и символически лишён статуса свободного эллина.

Показательно, что в Аиде Сизиф соседствует рядом с другим малосимпатичным героем Танталом, который наказан за сыноубийство, воровство и клятвопреступление. Образ Тантала имеет параллели с Сизифом. Оба были знатного происхождения и занимали высокое положение, оба испытывали терпение богов и шли на обман. Даже наказание Тантала имеет сходство с сизифовым в вечной надежде избавления от мук и тщетности усилий в достижении желаемого. Стоя по горло в воде, Тантал не может утолить жажду, потому что вода тотчас отступает

от губ, а с окружающих его деревьев свисают сочные плоды, но как только он пытается дотянуться к ним, ветви поднимаются вверх.

Именно часть мифа о наказании Сизифа нескончаемыми рабочими буднями получила широкую известность. Крылатое выражение «сизифов труд» призвано обозначать тяжёлые и бесполезные усилия. Очевидно, что трудоголизм Сизифа не заслужил народного одобрения. Марксистская идея о том, что труд создал человека, остается сомнительной. Даже по прошествии миллионов лет человеческой истории труд ради труда не приобрёл какой-либо ценности. Работа по-прежнему интересует человека лишь как опосредованный источник разнообразных благ. При отсутствии таковых труд воспринимается как неоправданное страдание.

Если принять во внимание все сюжетные линии мифа, вдвойне странной является попытка реинтерпретации образа Сизифа в положительном ключе, предпринятая в прошлом веке. Попытка, на наш взгляд, слабо аргументированная и противоречащая греческим первоисточникам. Речь идёт об «Эссе об абсурде» А. Камю.

В воображении А. Камю персонаж мифа претерпевает удивительные метаморфозы. Он видит в Сизифе не расчётливого хитреца, а абсурдного героя. С лёгкой руки философа коринфянин из стяжателя превращается в «осмотрительнейшего» человека, богоборца, бунтаря и даже «бога пролетариев». Он не просто извлекает личную выгоду из коллизии Асопа и Зевса, а совершает определённый экзистенциальный выбор – «небесным молниям он предпочёл благословение земных вод». Многоходовый Сизифов план по возвращению из Аида через тайный запрет проведения погребальных обрядов у А. Камю превращается в «испытание любви жены». Даже невыполненное обещание Сизифа по возврату в подземное царство рисуется не как заранее задуманный обман, а как возникшее в привычных домашних условиях спонтанное нежелание героя возвращаться обратно, мотивированное сентиментальными чувствами любви ко всему земному. Ведущими качествами Сизифа в таком ракурсе становятся презрение к богам, ненависть к смерти и неуёмная витальность.

Кроме очевидных расхождений с сюжетом оригинального мифа, в «Эссе» присутствуют и не столь явные ошибки. Укажем на них, так как они в итоге сводят на нет всю конструкцию экзистенциального героя богоборца.

По мнению А. Камю, в Аиде Сизиф наделён обострённым осознанием происходящего, «ясностью видения» ситуации полного отсутствия надежды на успех. Он якобы знает о «бесконечности своего печального удела», «бесполезности и безнадежности труда» и с гордостью принимает их. Тем самым Сизиф возвышается над обстоятельствами и внутренним согласием со своей судьбой побеждает их. Поднятие на вершину камня из навязанного богами бремени становится его собственной волей. «Сизифа следует представлять себе счастливым», – заключает Камю. Величественная картина.

Для начала поставим под сомнение факт ясного осознания Сизифом необходимости бесконечного подъёма валуна на гору. Более точный перевод строк Гомера говорит о том, что Сизиф не просто должен был водрузить камень на гору, а имел цель перевалить его через вершину.

Я и Сизифа увидел, терпящего тяжкие муки.
Камень огромный руками обеими кверху катил он.
С страшным усилием, руками, ногами в него упираясь,
В гору он камень толкал. Но когда уж готов был тот камень
Перевалиться чрез гребень, назад обращалась тяжесть.
Под гору камень бесстыдный назад устремлялся, в долину.
Снова, напрягшись, его начинал он катить, и струился
Пот с его членов, и тучею пыль с головы поднималась,

(Перевод с греческого В. Вересаева)

Стало быть, в надежде перебросить камень через гребень горы Сизиф имел и смысл, и цель своего труда. Возможно, достижение этого результата знаменовало бы окончание посмертных страданий Сизифа. Но подобно Танталу, который в бесконечном числе попыток склоняется за водой и плодами, Сизиф каждый раз обманывается в надежде на успех своего труда.

А. Камю почему-то полагает, что, имея Сизиф надежду на успех, постигшая его кара тем самым бы умалялась. Мы не согласны с этим. Известно, что надежда порой очень многих обрекает на жизнь в страдании. Суровость наказания героя заключается именно в обречённости на постоянный самообман – вечно соблазняться призраком удачи, но вечно пребывать в бытии-в-неудаче. Неслучайно в другом древнегреческом мифе о Пандоре надежда была помещена богами в один сосуд с человеческими пороками, болезнями и бедами. Когда Пандора на минуту открыла его, то несчастья разлетелись по всему миру, а надежда не успела вылететь и осталась на дне сосуда. Но, несмотря на это, и через стенку сосуда она не перестаёт манить людей. Надежда в своём коварстве либо заставляет человека пребывать в пассивной бездеятельности, либо, как в случае с Сизифом, велит неразумно повторять вновь и вновь то, что не приносит ничего другого, кроме негативных результатов.

Против ясного видения Сизифом положения дел говорит также эпизод, упомянутый древнеримским поэтом Овидием в мифе об Орфее. Орфей в подземном мире чудесной игрой на лире и песней заставил грешников оторваться от своей навязчивой деятельности и переключить внимание на тему любви и ценностей межличностных отношений.

Внемля, как он говорит, как струны в согласии зыблет,
Души бескровные слёз проливали потоки. Сам Тантал
Тщетно воды не ловил. Колесо Иксионово стало.
Птицы печень клевать перестали; Белиды на урны
Облокотились; и сам, о Сизиф, ты уселся на камень!

(Перевод с латинского С. Шервинского)

Значит, Сизиф всё-таки мог прервать труд, оставить в покое камень, задуматься и рационально изменить паттерн своего поведения. Но задумался Сизиф лишь однажды и на короткие минуты звучания песни Орфея. Следовательно, всё остальное время он находится в некоем затуманенном состоянии разума. Его сознание не кристально ясно, как полагал А. Камю, а, напротив, аффективно сужено одной иллюзорной надеждой. Бывший царь Коринфа не может оторваться от работы, одержимый одной-единственной мыслью – перевалить валун через вершину. Не камень держит Сизифа, а он держится за камень. Таким образом, камень становится частью характера героя, существенно утяжеляя его.

Если А. Камю в мифе о Сизифе усматривает абсурдность, то нам видится строгая логика и гармоничность данного сюжета. Но оставим в стороне поиск расхождений изначального образа Сизифа с фантазией, возникшей в воображении философа. Как уже было сказано, миф о Сизифе для нас призван проиллюстрировать ключевые психологические аспекты человеческого характера. Это аспекты повторения и устойчивости черт, работы защитных механизмов и принципа реальности, нарушения механизмов хронификации жизни, психологического и социального гомеостаза.

Можно описать личность Сизифа следующим образом. Основные черты его характера – склонность к обману и жадность. Эти черты, как и положено характерологическим чертам, устойчивы, ригидны и не допускают вариативности поведения. Меняются обстоятельства, но не меняется реакция человека на обстоятельства. Мотивированная принципом удовольствия (удовлетворение потребности сейчас и сразу) жадность позволяет Сизифу хорошо выхватывать из окружающего мира и удерживать то, что ему необходимо. Но этот же гипертрофированно усиленный механизм ассимиляции не позволяет ему отказаться от того, что

сулит впоследствии принести гораздо большее страдание. Сизиф верен своему характеру, и он не готов следовать принципу реальности, который благоразумно велит терпеть небольшое неудовольствие сейчас ради достижения большего удовольствия потом. Если бы Сизиф был способен поступать в некоторых случаях смело, открыто и честно, своевременно расплачиваясь по счетам и допуская малые жертвы ради достижения перспективных целей, он мог бы прожить гораздо более продолжительную жизнь и насладиться сполна всеми теми благами, которые он умело приобретал для себя.

Рассматривая в таком ракурсе личность героя, мы подходим к главной проблеме характера. К тому, что в его структуре является крайне избыточным и крайне недостаточным. Как правило, внимание исследователей привлекает именно отчётливо видимая избыточная составляющая характера – ярко выраженные черты человека. В то же время те качества, которых недостаёт в личности, отходят на второй план. Избыток у Сизифа черт ассимилятивного модуса затмевает его слабую элиминативную сторону – неспособность отдавать. В отношениях с людьми и богами он не готов был платить за то, что получал соразмерную цену, и не отдавал взамен приобретаемому свои силы, время, свободу. Такая предприимчивая тактика приносила Сизифу осязаемые результаты и, на первый взгляд, она была оправдана. Однако по факту дальнейшей судьбы героя мы видим, что Сизиф проиграл. В финале мифа избыточный модус ассимиляции героя в земной жизни принудительно уравнивается усиленным модусом элиминации в потустороннем мире: постоянное выскальзывание из рук камня отныне навсегда заиклено во времени.

Жадность и склонность к обману дали возможность Сизифу быстро получить сиюминутную выгоду, но не позволили эту выгоду удержать на долгое время. Сизиф выигрывает тактически, но проигрывает стратегически. При этом нельзя назвать Сизифа глупым человеком, так как способность к обману требует наличие достаточно развитого интеллекта. Поэтому неверно полагать, что царь Коринфа не способен был понять, что в борьбе с Олимпом его весовая категория уступает божественной или, что он не знал о наличии у богов функции наказывать за установленные ими законы. Нет, это не слабость ума. Это свойственное любому характеру срабатывание защитных психологических механизмов, которые искажают реальность и ведут к самообману.

Для сохранения душевного комфорта коринфянин на время закрыл глаза на гнев небожителей, но его слепота лишь облегчила богам выбор соответствующей тяжкой кары для смертного. Постоянный подъём Сизифом камня и спуск с горы являются хорошим символом навязчивого повторения черт характера, слепой веры носителя характера в успех выбранного ригидного способа жизни. «Если имеешь характер, то имеешь и свои типичные пережитки, которые постоянно повторяются», – так говорил Ф. Ницше. Сизиф не может расстаться со своим камнем-характером и верит, что благодаря ему он способен преодолеть гору и перейти к лучшей жизни. Но горькая правда заключается в том, что именно камень, как застывшая во времени косная материя, не позволяет поддерживать нормальную динамику жизнедеятельности в меняющихся условиях и перейти на другой качественный уровень.

Возможно, такой ракурс рассмотрения проблемы покажется непривычным не только в отношении древнегреческого мифа, но и для понимания ключевых аспектов характера. Поэтому в следующих главах мы не раз вернёмся к мифу о Сизифе, обоснуем теоретические утверждения и раскроем запутанные дела трёх типов характеров.

Метод

В расследовании характеров мы будем использовать тифоаналитическую концепцию, разработанную Ю. Р. Вагиным. Она стоит на позиции монизма и развивает психоаналитическую идею З. Фрейда о влечении к смерти. Тифоанализ не получил широкой известности, поэтому в минимальном объёме изложим те из его положений, которые необходимы для понимания последующих шагов в распутывании клубка специфических улик, обнаруживаемых на месте присутствия характеров.

К основным понятиям тифоанализа относятся понятия «механизмов хронификации жизни» – *агрессии (ассимиляции)* и *элиминации*. Агрессия и элиминация обеспечивают диссипативный процесс последовательного снижения напряжения организма и поддерживают постоянный обмен в организме веществ со средой. Агрессия представляет включение, ассимиляцию в себя чего-то внешнего (питательных веществ, навыков, информации, связей, отношений)¹. Элиминация – исключение, выбрасывание из себя чего-то внутреннего. С помощью данных механизмов происходит удовлетворение потребностей, поддерживается физиологический, психологический и социальный гомеостаз, осуществляется регулярное отведение напряжения в живой системе. Агрессия и элиминация рассматриваются как разнонаправленные по объекту (включаемому в организм или выносимому за его пределы) и как однонаправленные по цели процессы (обеспечение снижения напряжения в организме).

Как мы видим, термин «агрессия» в тифоанализе имеет оригинальное значение и оно отлично от традиционного понимания агрессии как враждебного поведения субъекта, сопряжённого с насилием и причинением вреда объекту агрессии. Во избежание путаницы вместо термина «агрессия» в дальнейшем будем использовать термин «ассимиляция».

Недостаточность работы механизмов ассимиляции и элиминации ведёт к росту напряжения в организме, нарушению оптимума его жизнедеятельности, что равно усилению влечения к смерти и ускорению процесса умирания – развитию авитальной активности (суицидальной и парасуицидальной активности). При авитальной активности действия ассимиляции и элиминации могут быть вторично усилены, но если они не приводят к удовлетворению потребностей и необходимому снижению напряжения, то и в этом случае следует говорить об их недостаточности. Крайнее нарушение работы ассимиляции и элиминации в тифоанализе описывается ситуацией: организм не может получить то, что ему нужно, и не может удалить то, что ему не нужно.

Несмотря на то, что речь идёт всего о двух базовых механизмах соматического, психологического и социального метаболизма, оперирование ими в расследовании первопричин характеров возможно. Но оно потребует определённого сдвига рассмотрения характеров и расстройств личности с психопродуктивной позиции (максимального охвата набора черт и проявлений характера в различных сферах) к *дефицитарной позиции*.

С позиции дефицитарности специфика характера обусловлена нарушением (ослаблением) одного или обоих механизмов хронификации жизни в удовлетворении определённых потребностей. То, что человек длительно не может получить или от чего длительно не может отказаться в своей жизни, составляет индивидуальное ядро характера. Вокруг этого ядра

---

¹ Тифоаналитический механизм агрессии близок к «довраждебному образцу» агрессии, о котором говорил Э. Эриксон и который называл «адрессией» (от лат. ad-направленность к чему-либо и gressus – хождение, ходьба). Адрессия изначально относится к модусам органа и проявляется в способе хватания предметов, приближении и установлении взаимоотношений. Также тифоаналитическая агрессия имеет сходство с понятием агрессии у Ф. Перлза, который рассматривал последнюю как нормальную биологическую функцию не только пищевого, но и любого другого инстинкта, имеющего цель удовлетворения потребности.

вторично формируются характерологические наслоения, призванные поддержать адаптацию человека в условиях ограничения поведенческих свобод и дефицита навыков и умений по удовлетворению тех или иных потребностей. Другими словами, характер определяет не столько то, что человек может (не его потенции), сколько то, что человек не может. Описание характера – это в значительной степени описание, что человек делает *вместо того*, что должно напрямую удовлетворить его потребности.

Сразу оговоримся, что, расследуя ананкастный, шизоидный и истероидный характеры в контексте их связи с дефицитом удовлетворения конкретной потребности, в каждом из трёх случаев мы будем рассматривать «чистые типы», предполагая, что в их функционировании доминирует проблема нарушения удовлетворения одной потребности. Безусловно, существуют конфигурации индивидуальностей, сформированные на основе плохого удовлетворения более одной потребности. Это так называемые смешанные, амальгамные и мозаичные типы характеров, которые здесь не будут затронуты.

Дефицитарный подход в психологии характера близок к предложенной К. К. Платоновым концепции о «минус-способностях» и «плюс-способностях» индивида. «Минус-способность» – это неспособность личности в освоении определенных видов деятельности. При этом одно и то же свойство личности может быть способностью к одному и неспособностью к другому виду деятельности. По К. К. Платонову «минус-способность» является таким же общим качеством личности, как и способности, что диктует необходимость рассмотрения способностей и неспособностей в их тесной взаимосвязи.

Аналогично точке зрения К. К. Платонова мы можем говорить о «минус-ассимиляции» или «минус-элиминации» в случае наличия проблем в удовлетворении конкретных потребностей и формировании на месте дефицита вторичных черт характера («плюс-черт»), призванных компенсировать то, что не хватает человеку в его жизни. Именно нехватка насущного является отправной мотивационной точкой и обуславливает дальнейшее разворачивание и ход личностной истории. Поэтому то, что А. Е. Личко в описаниях акцентуированных характеров называл «слабым звеном»², в рассматриваемом ракурсе является «центральным звеном», вокруг которого формируются периферийные звенья – психопродуктивные компенсаторные черты.

Что касается процесса ослабления одного или обоих механизмов хронификации жизни в удовлетворении потребностей, то он протекает по принципу *реципрокного торможения*. Термин «реципрокное торможение» в теории тифоанализа Ю. Р. Вагина не используется, но нам видится целесообразным его введение.

Принцип реципрокности (от лат. *reciprocus* – взаимный) заключается в том, что развитие одного процесса автоматически подавляет развитие другого. Разнонаправленность механизмов ассимиляции и элиминации говорит о том, что в конкретный момент времени в одной физиологической системе не могут протекать сразу два процесса и что возбуждение одного механизма автоматически тормозит запуск другого. Ассимиляция подавляет элиминацию и наоборот.

Патологическая работа реципрокности в структуре характера заключается в том, что человек совершает нечто противоположное тому, к чему непосредственно побуждает его первичное желание. Например, в межличностных отношениях, когда какой-то объект, доставляющий человеку значительное психическое напряжение, элиминативно не выбрасывается им из своего окружения, можно говорить о наличии вынужденного ассимилятивного удержания.

---

² «Слабое звено» («слабое место») акцентуированной личности – специфическая для каждого психотипа ситуация, в которой носитель характера обнаруживает у себя дефицит способности для оптимальной адаптации (свою «ахиллесову пятую»). Такая ситуация воспринимается акцентуированной личностью трудной, плохо выносимой и психотравмирующей. Например, для психастенического характера слабое звено – ситуация повышенной ответственности; для шизоидного – необходимость близкого, неформального общения; для истероидного – ситуация, уязвляющая самолюбие.

Мы не только диагностируем недостаточную, слабую, «плохую» элиминацию, которая не удовлетворяет потребность, но и одновременно обнаруживаем избыточную, интенсивную, «хорошую» ассимиляцию. Такая выраженная ассимиляция объекта сама по себе служит патологическим (авитальным) тормозом естественного элиминативного процесса.

Возникает вопрос: как, с точки зрения психической экономики, возможно отказаться от удовлетворения естественной потребности, которая в таком случае будет постоянно сигнализировать индивиду о своём ущемлении и мотивировать к снятию психического напряжения? Краткий ответ З. Фрейда заключался в допустимости ситуации, когда «неудовольствие одной системы является одновременно удовлетворением другой». А если учесть, что конкуренция за приоритетное право удовлетворения потребности протекает не только внутриспсихически, но и межпсихически в сложных социальных взаимодействиях индивидов, то депривация желаний становится достаточно обыденным явлением человеческой жизни.

Конечно, ни одна потребность не может быть навсегда заблокирована и выключена из психики. Кроме связки ассимиляции и элиминации в реципрокном торможении, нельзя обойти вниманием *компенсаторные образования*, вплетающиеся в характер. Благодаря им потребность находит своё выражение в *косвенных* и *смещённых* на другие объекты формах. Если реципрокно усиленный механизм противоположно направлен механизму, удовлетворяющему потребность, то механизм, несущий функцию компенсации, однонаправленный. По причине того, что компенсаторный механизм способен лишь отчасти удовлетворить потребность, снизить остроту её напряжения, он проявляет себя в избыточном выражении, из-за чего его часто распознают как нечто не вполне здоровое. Достаточно известным примером проявления подобной компенсации является «смещенная агрессия» (злость на одного, вымещается на другом).

Таков общий ракурс, который предлагается для рассмотрения типов характеров. Он не основывается на маргинальной теории и не является чем-то принципиально новым, но находится в рамках традиционной парадигмы психодинамической теории, медицинской психологии и психиатрии. В подтверждение этого отметим отдельных авторов, чьи выводы оказались наиболее близки к дихотомическому разделению биологических механизмов.

Ф. Александер в анализе психосоматической составляющей желудочно-кишечных расстройств предложил группировать эмоциональные факторы по принципу ассоциации с физиологическими процессами потребления веществ и энергии из внешней среды, их накопления в организме и выделения конечных продуктов метаболизма. Психологическими проявлениями этих процессов являются желания – получить или взять, сохранить, отдать или уничтожить.

У Э. Эриксона за семантическими и теоретическими нюансами модусов анатомических органов, доминирующих в определённых стадиях развития, также проглядывается два ведущих процесса хронификации жизни. Так, элиминативному модусу в совокупности можно противопоставить модусы органов, имеющих единую ассимиляционную направленность: инкорпоративный, ретентивный и интрузивный.

К. Г. Юнг в «Психологических типах» считал, что «противоположность типов в качестве общего психологического феномена должна так или иначе иметь свои биологические предпосылки». К этим предпосылкам он относил особенности адаптации субъекта к объекту и описывал их в терминах, достаточно близких к понятиям ассимиляции и элиминации. Так, основой для экстраверсии служит «повышенная плодовитость при относительно малой обороноспособности и недолговечности отдельного индивида». Для интроверсии – «вооружение индивида многообразными средствами самосохранения при относительно малой плодовитости». «...Я хотел бы ограничиться одним только общим указанием на особенность экстраверта, состоящую в способности постоянно растрачиваться, распространяться и внедряться во всё; с другой стороны, на тенденцию интроверта обороняться от внешних требований и, насколько возможно,

воздерживаться от всякой затраты энергии, направленной прямо на объект, но зато создавать для себя самого возможно более обеспеченное и могущественное положение».

Помимо глубинной психологии, следы присутствия двух биологических механизмов обнаруживаются в теоретических построениях других авторов. Например, у Ж. Пиаже в теории аккомодации и ассимиляции, у Ф. Перлза в теории агрессии и понятии «ритма контакта со средой и ухода», у А. Кемпинского в теории информационного метаболизма.

В отечественной психиатрии теоретическая разработка проблемы акцентуации характеров у А. Е. Личко, кроме теории К. Леонгарда, опиралась на психологию отношений В. Н. Мясищева. Учитывая то, что В. Н. Мясищев относил потребности к составляющим отношений и определял их как «конативную (от лат. слова „conare“ – стремиться, домогаться) тенденцию овладения», то понятие «отношения» вполне может быть переведено на язык работы механизмов ассимиляции и элиминации. Неслучайно другой отечественный автор М. Е. Бурно, используя традиционную типологию характеров, также приходит к необходимости разделения всей совокупности типов по дихотомическому принципу – на агрессивных и дефензивных (от лат. *defenso* – оборонять).

Таким образом, мы имеем достаточные основания, чтобы взять механизмы ассимиляции и элиминации в качестве критериев разделения типов характеров и личностных расстройств. В расследовании ананкастного, шизоидного и истероидного характеров речь будет идти главным образом о характерах, выраженных до степени акцентуации. Лишь иногда, для яркости образа, будем обращаться к проявлениям черт, которые наблюдаются только при психопатиях (расстройствах личности). Разграничение акцентуаций и психопатий не будет в дальнейшем играть какую-то существенную роль для расследования характеров, но нашу позицию по данному вопросу обозначим.

Теория акцентуации характера хотя и была разработана немецким психиатром К. Леонгардом, однако получила широкое распространение только в отечественных школах психиатрии и психологии. Причина непопулярности теории К. Леонгарда за рубежом, заключается, возможно, в том, что его подход потенциально повышает риск стигматизации, поскольку психиатрические названия и описания большинства типов акцентуаций не завуалированно указывают на сходство акцентуированных черт с аналогичными типами психопатий.

Сама по себе идея, что между нормальной и патологической личностью должен существовать промежуточный (акцентуированный) тип личности, довольно логична. К ней независимо от теории К. Леонгарда приходят и другие исследователи. Например, американский психиатр Д. Олдхэм в соавторстве с Л. Моррис предлагают типологию личности, близкую классификации акцентуированных личностей. Данная типология построена на основе критериев американского диагностического руководства психических расстройств DSM-IV, где у каждого расстройства личности обнаруживается умеренно выраженный аналог нормального типа личности. В авторской терминологии обсессивно-компульсивному расстройству личности соответствует «добросовестный тип», шизоидному – «отшельник», истероидному – «драматический» и т. д.

По определению акцентуация характера – заострение конкретных личностных черт, крайнее их выражение, которое не выходит за границы нормы. Но, к сожалению, граница нормы и патологии в науках о психике никогда не была достаточно твёрдо осязаемой. С равным успехом можно утверждать, что акцентуация характера – лишь лёгкое субклиническое выражение патологии, её нижняя граница. Книга Э. Фрейда «Психопатология обыденной жизни» хорошо иллюстрирует подобную размытость демаркационных линий нормативного и патологического.

Возможно, учение об акцентуациях характеров получит новое дыхание в 11 пересмотре международной классификации болезней (МКБ-11), где введена градация расстройства личности по степени нарушения функционирования индивида (лёгкое, умеренное, тяжёлое). Уста-

новление лёгкого расстройства личности с необходимостью потребует дифференциальной диагностики с «крайне выраженной нормой» – акцентуацией характера.

Нам импонирует социологический подход к психопатиям, который позволяет разграничить акцентуации и расстройства личности не только в количественном аспекте выраженности черт, но и в качественном аспекте. С его позиций в полной мере психопатиями следует именовать социопатии. В их основе лежит выпадение у индивида способности к эмпатии, отсутствие чувства вины и совести. Эти психопатические минус-способности основные, в то время как прочие характерологические черты, которые в других теоретических подходах традиционно приписываются психопатической личности, являются лишь факультативными чертами, и они присущи в том числе и непсихопатам. Единственная причина выраженности этих неспецифических черт у психопатов заключается в том, что дефицит главных социализирующих свойств позволяет экспрессивно и избыточно проявить то, что присуще нормальным людям. По крайней мере, такие выводы напрашиваются исходя из предлагаемой нами тифоаналитической трактовки генезиса характера. Впрочем, как оговаривалось, теоретические споры о границах расстройств личности не входят в задачи нашего исследования.

Вместо описательного метода рассмотрения типов личности, возьмём на вооружение *метод детективного расследования*. Можно ли его использовать в отношении характера человека? З. Фрейд в своё время сравнивал работу психоаналитика с археологией – методичной раскопкой давно погребённых в бессознательном пластов психического материала. Но с учётом того, что аналитик имеет дело не с косным, застывшим во времени и пассивным материалом, а с живым субъектом, более удачным будет сравнение психоанализа или любой другой психотерапии с работой детектива.

Также как детектив, психоаналитик анализирует активность субъекта, вскрывает его истинные мотивы, цели и нередко обнаруживает страдание человека. Поскольку любое страдание живого связано с неудовлетворением какой-то его насущной потребности, возникает закономерный вопрос: жертвой чьих рук стал пришедший на терапию человек, кто ответственен за его душевную боль? В попытке найти ответ на этот вопрос психотерапевт обнаруживает подозрительное поведение жертвы. С настойчивым упрямством она проявляет активность, направленную на искажение информации и сокрытие правды. В теории психоанализа такое поведение известно давно и названо сопротивлением анализу. Кроме того, часто выявляется, что одной из обострённых тем психических переживаний пациента становится чувство вины. Жертва, сокрытие правды, вина... Не скрывается ли за всем этим нечто преступное?

Преодолев сопротивление и пройдя в своём анализе дальше, детектив-психотерапевт наконец находит виновника страдания жертвы и этим виновником неожиданно оказывается сама жертва. Ситуация парадоксальная. С одной стороны, пациент сообщает, что он страдает и желает, чтобы его неудовлетворительная жизнь изменилась. С другой стороны, этот же человек прикладывает немалые усилия для того, чтобы жизнь никоим образом к лучшему не изменилась. Более того, порой он своими активными действиями или пассивностью настолько ухудшает собственное положение и помещает себя в такие тяжелые и опасные ситуации, которые напрямую ставят под угрозу его здоровье и жизнь. Можно ли назвать это преступлением? Да. Именно действие/бездействие, направленное на лишение возможности индивида удовлетворить ту или иную жизненную потребность, и есть преступление, совершённое в отношении него. Преступление против жизни и здоровья.

Понятия «жертва», «преследователь», «виктимность» давно вошли в психологический обиход. Также установлена закономерность частой смены ролей жертвы и преследователя. Поэтому то, что жертва и преступник оказываются в одном лице, – лишь мнимый парадокс, который снимается пониманием того, что «неудовольствие одной системы является одновременно удовольствием другой». Индивид с хронически неудовлетворённой потребностью – жертва преступления, но также он и преступник, который злонамеренно отказывает себе

в достижении желаемого. Этот факт отчасти усложняет расследование характера, но не отменяет его принципы. Главная задача обнаружения преступника давно сформулирована Шерлоком Холмсом своему напарнику: «Ищите мотив преступления, Ватсон».

Итак, анализируя и обнаруживая отдельные объективные и субъективные признаки состава преступления, где мотивы и детали злодеяния не всегда очевидны, мы вправе применить к изучаемому явлению метод расследования. Насколько эвристично его использование, читатель может судить самостоятельно.

Расследование характера обладает рядом преимуществ в сравнении с обычным описанием черт характера. В описательном подходе избыточность рассмотрения личности с различных сторон и в различных сферах жизни претендует на всесторонний охват проблемы. Но, к сожалению, на выходе мы нередко получаем избыточный набор во многом противоречивых черт личности. Это значительно расширяет границы типа характера до смешения его черт с другими психотипами. Кроме того, в описательном методе сложно ответить на вопрос, какие черты характера считать его главными и обязательными составляющими (ядром характера), а какие – производными.

В методе расследования черты характера не будут рассматриваться как случайный набор свойств, но будут выступать в качестве улик, которые позволят докопаться до истины. При этом мы будем придерживаться формальной логики, идти от частного к общему и проводить анализ причинно-следственных связей до тех пор, пока все улики не укажут на единственную непротиворечивую версию, полностью исчерпывающую предмет расследования. Для этого не потребуются скрупулёзно перебирать все приписываемые конкретному типу характера черты. Достаточно выделить те из них, которые в своём соединении дают ясную и оптимально полную картину. Прочие второстепенные черты характера также могут легко вписаться в общую логическую схему, но существенно не добавляют ничего нового и поэтому не потребуют к себе внимания.

Не будем слишком самоуверенными. Хотя в психиатрической и психологической литературе нет недостатка в описании психотипов различными авторами (их цитаты будут приобщены как свидетельские показания), но ни одно дело не застраховано от возможных тупиков расследования. Сложности обусловлены целенаправленными действиями преступника, направленными на сокрытие следов преступления. Сюда относятся сопротивление анализу, вытеснение психотравмирующих аспектов, связанных с неудовлетворённой потребностью, использование различных приёмов самооправдания, включение всевозможных защитных механизмов, искажающих информацию и компенсирующих боль от содеянного.

Вывести из тупиков в расследовании характера позволит ещё одна путеводная нить тифоанализа – понимание механизма работы страха в человеческой психике. Согласно тифоаналитической максиме, «любой страх всегда прикрывает собой желание, чтобы произошло именно то, чего ты боишься. То есть любой страх всегда прикрывает собой влечение к тому, что он собой прикрывает» (Ю. Р. Вагин).

В разрозненном виде идея связи страха и желания так или иначе высказывалась в психоаналитической литературе. У А. Фрейда в «Психопатологии детства» читаем: «Маленький мальчик, впадающий в состояние страха всякий раз, когда родители вечером или при плохой погоде, уходя из дома, выдает тем самым свое вытесненное желание их смерти; то же самое справедливо для ребёнка, который прислушивается ночью к дыханию спящего брата или сестры, чтобы убедиться, что он жив». О. Фенихель по поводу сексуальных фобий, страхов, связанных с питанием, анальных фобий, фобий враждебных действий писал, что для них «справедлива общая формула, которая была бы чрезмерным упрощением в более сложных случаях: индивид опасается того, чего он бессознательно желает».

Несмотря на отдельные наблюдения закономерностей проявления страхов, в том числе и самим З. Фрейдом, в психоанализе так и не была предложена общая теория страха. Поэтому

постулат о прикритии страхом желания является оригинальным элементом исключительно тифоаналитической концепции Ю. Вагина. В тифоанализе страх, наряду с болью и механизмами ассимиляции-элиминации, включён в общую систему хронификации жизни.

Возникновению страха должны удовлетворять два условия: «а) в окружающей действительности (в том числе в собственном теле) обнаружены признаки, угрожающие дальнейшему существованию индивида; б) по ряду причин произошло усиление влечения к смерти и вторичное усиление страха как результат активизации системы хронификации жизни» (Ю. Р. Вагин). Чем больше страх, тем большее желание он собой прикрывает. Подробнее с доказательной базой читатель может ознакомиться в работах Ю. Р. Вагина. Мы же возьмём за основу связь страха и бессознательного желания как установленный факт.

В расследовании характеров страх ценен тем, что у всех типов личности доминируют определённые по содержанию фобии. Каждому психотипу присущ свой набор специфических страхов. Руководствуясь знанием о прикритии страхом желания, мы по типичному содержанию страха можем легко выйти на конкретное фрустрированное желание (неудовлетворенную потребность) в структуре личности.

Страх побуждает отказаться от желаемого, но всегда держит в напряжённом фокусе внимания объекты, связанные с потребностью. Именно страх включает замену элиминативного или ассимилятивного удовлетворения потребности по принципу реципрокного торможения и инвертирует процесс на обратный. Вместо необходимого приближения и захвата желаемого возникает его отторжение, а вместо действий по отдалению от ненужного, включается его вынужденное удержание.

Таковы основные аспекты тифоаналитического метода расследования, который далее будет использоваться в деле об ананкастах, шизоидах и истероидах. Кроме развлекательной стилизации под детектив, книга выполняет задачу показать характеры людей в большей степени психологизма. Вместо скучного перечисления давно известных черт разных психотипов, более уместного для справочников и учебников, постараемся лаконичными штрихами раскрыть типичные человеческие истории, в которых потребности и мотивы сначала запутаны, а затем понятны всем. Эти истории имеют свою упрямую логику, и не смотря на присутствие острой драмы, в каждой из них есть начало и конец.

По ходу расследования мы также часто будем обращаться к психоаналитическим выводам. Достаточно вспомнить, что одна из центральных тем психоанализа – комплекс Эдипа – основана на запретных инцестуозных желаниях и криминальных мотивах отцеубийства, чтобы понять значение психоаналитических выводов для детективных сюжетов. Нам близка теория З. Фрейда. Она одна из немногих школ, которая в своих глубинных изысканиях устанавливает причинно-следственные связи и берётся ответить на непростой вопрос «почему?».

Дело об ананкастах

Упорство, выдержка, терпение, труд, дисциплинированность, исполнительность, рациональность, точность, методичность, ответственность, принципиальность, надёжность, аккуратность, стремление к совершенному результату, чувство долга, требовательность к себе и другим. Перечень данных качеств свидетельствует в пользу силы и твёрдости характера. Можно с уверенностью сказать, что это также перечень обязательных условий для поддержания того, чем так гордится человечество, – цивилизованности, силы разума, прогресса. Удивительно, что средоточием всех этих добродетелей может быть один особенный тип людей, специфика характера которых именуется ананкастной.

Ананкасты целиком комплементарны социуму. Они с детства впитывают его требования и, в свою очередь, сами становятся для других проводниками общественных норм в жизнь. В следовании социальным правилам они не допускают двойных стандартов, легкомыслия и снисходительности, а потому, на первый взгляд, заслуживают только положительной оценки.

Многим мыслителям видится генеральная линия эволюции человечества в постепенном удалении от тварного мира. По их мнению, только в примате социального над биологическим, морали над страстью, рационального над иррациональным, порядка над хаосом есть единственно верный путь развития человеческого сообщества. Представляется, что ещё совсем немного времени, и популяция людей перейдёт на другой, сверхчеловеческий уровень. Необходимо только окончательно освободиться от пут животных слабостей, потакания примитивным биологическим желанием и всего того, что привязывает человека к бренной земле. Известный историк Ю. Н. Харари в своих футуристических экстраполяциях даже считает, что в ближайшей перспективе человек наконец-то решит неудобный вопрос собственной смертности и, наряду с прочими достижениями, выйдет на божественный уровень (о котором так много на разный лад твердили религиозные концепции).

По всей видимости, именно представители ананкастного склада должны быть в авангарде движения к прорыву человечества на новый суперуровень. Психолог В. Райх, правда, называл ананкастов «живыми машинами». В этом эпитете возможно есть доля иронии. Но кто, как не «человек-машина», в наш высокотехнологичный век способен обеспечить прогрессивный ход общества к грандиозным эволюционным вершинам? На кого ещё можно опираться в важном деле, как не на ответственных и добросовестных людей?

Однако то, что прекрасно в теории, не всегда складно на практике. Оказывается, что ананкастные личности имеют свою сумеречную сторону, которая не позволяет полностью довериться им в социальных мероприятиях. К большому сожалению, в функционировании ананкастов обнаруживается ряд странных обстоятельств, снижающих эффективность их деятельности, причём с неприятной регулярностью.

Сбои, которые возникают в поступательном движении ананкастов, непонятны для них самих и для окружающих. Как будто чужеродные вирусные программы внедряются в хорошо отлаженную компьютерную систему «живых машин». Навязчивые мысли, воспоминания, сомнения, стремления, страхи коварно проникают в регламентированную жизнь и начинают безжалостно её отравлять. При этом страхи (фобии) в ряду навязчивостей проявляют себя самыми токсичным образом.

Конечно же, способности ананкастов к структурированию жизни дают возможность если не выпроводить незваных навязчивых гостей из дома разума, то по крайней мере позволяют разрабатывать детальные планы по контролю и удержанию их вредных проявлений в рамках приличий. Но внутреннее ощущение полной защиты и безопасности всё равно не приходит. Особенно это касается страхов. Они, словно неутомимые преследователи, всегда дышат в спину ананкастам и рванят их в самые уязвимые места. Нередко частота и интенсивность стра-

хов возрастает настолько, что они превращают обсессивную жизнь в фильм ужасов. В такой фильм, который, не успев подойти к финальной развязке, возобновляет свой жуткий сюжет с самого начала. И так происходит снова и снова необозримое число повторений.

В своё время Ф. Ницше был потрясён внезапно постигшим его прозрением о вечном возвращении, переживанием, что всё в мире неизбежно и в точности повторяется бесчисленное количество раз. Философ считал эту идею «высшей точкой мышления». Но был бы Ф. Ницше в восторге, если бы стал свидетелем мелочного воплощения своей идеи ананкастами, которые постоянно возвращаются к уже сделанному, перепроверяют, закрыта ли дверь, выключен ли газ, сложены ли в определённом порядке вещи? Ананкасты-ницшеанцы в своих примитивных навязчивостях превращают «высшую точку мышления» в ловушку мышления и тупик поведения.

Конечно, другие характеры также обременены сизифовым повторением, но у них возвращение к исходному достаточно растянуто во времени и поэтому менее заметно. Только ананкасты обречены существовать словно в плену временной петли. Их сценарные циклы сжаты, повторения кратковременны, а потому они намного более очевидны и абсурдны. Эта отличительная особенность ананкастов заслуживает детального расследования.

Немного о термине «ананкаст». Это один из вариантов именованья характера. Другие названия: педантичная личность, фобический характер, обсессивный характер, обсессивно-компульсивный характер, навязчиво-компульсивный характер. Некоторые авторы находят точки пересечения или даже полного совпадения ананкастного характера с психастеническим и тревожно-мнительным. Также часто проводится разграничение ананкастного личностного расстройства с неврозом навязчивых состояний, хотя последний может быть вариантом декомпенсации ананкастного характера.

Мы будем в основном использовать термин «ананкаст» для краткости, а также по этимологическим соображениям. В переводе с древнегреческого «ананкаст» означает «принуждённый». Это то, что не только описывает внешнюю сторону поведения данного типа личности, но и характеризует её глубинную суть. Кроме того, в новой международной классификации болезней 11 пересмотра (МКБ-11) прежнее понятие «ананкастное расстройство личности» не утеряно, и ему соответствует домен «ананкастность при расстройстве личности и личностных проблемах» (6D11.4).

Главные вопросы расследования ананкастного характера следующего плана. Какая сила принуждает ананкастов к постоянному повторению и в чём смысл повторения? Почему подобно преступнику, испытывающему потребность к повторному посещению места преступления, ананкасты вновь и вновь возвращается к страшному? Есть ли логика в возникновении страхов и выборе ритуалов-защит от них? Каков конечный итог борьбы с пугающим и что ждёт ананкастов, когда контроль будет потерян, а силы истощены?

Дело об ананкастах не обещает быть сложным. В отличие от шизоидов, они не проявляют активность по полному сокрытию важных улик. В отличие от истероидов, они не изменчивы и не избыточны в своём проявлении. Сюжет совершенных ананкастами деяний всегда один и повторяется без значительных вариаций. Обсессивные не стремятся спутать карты до степени неразличения основного и второстепенного. Всё это существенно облегчает задачу расследования.

Перед тем как сформулировать главную версию ананкастного преступления, изучим шесть основных улик. Они хорошо описаны многими авторами, но при внимательном рассмотрении обнаруживают любопытные детали. Начнём с самой яркой обсессивной улики – страха.

Улика №1: Страх

Страхи ананкастов часто рассматриваются лишь как один из элементов в большом перечне различных форм навязчивостей (ананказмов, obsессий). Большого внимания фобии удостоиваются преимущественно при рассмотрении клиники невроза навязчивых состояний, в то время как при ананкастном расстройстве личности страхам отводится второстепенная роль в структуре признаков типа. Но для нас страх является важной и ключевой уликой в любом случае.

То, что порой улика страха бывает внешне незаметна, говорит лишь о хорошей компенсации обсессивно-компульсивного личностного расстройства и успешной её маскировке перед лицом общественности. Порой люди могут заподозрить о наличии тревог и опасений у ананкастов лишь по уклонению последними от разговоров на определённые темы или избеганию контактов с отдельными объектами и предметами окружающего мира. Ананкасты словно воспринимают мир с функцией дополненной реальности – они с максимальной осторожностью и опаской обходят фиксированные точки местности, где другие видят лишь пустоту.

Напомним, что ананкасты – социально покладистые люди, а общественное сознание хотя и не рассматривает страхи как психическую ущербность, но готово оказать большее уважение к людям, которые способны сохранить хладнокровие перед лицом пугающего, нежели проявить трусость. Поэтому страхи не становятся тем, о чём говорят вслух и что будут с готовностью выставлять на витрину для всеобщего обозрения. И всё-таки они есть. Жизнь ананкастов больше других богата пугающими объектами. Порой со временем их количество множится или имеющиеся старые фобии приобретают большую интенсивность (вплоть до степени панических атак).

Страшное может проникать во все сферы жизни. Даже сны ананкастов с годами становятся чем-то не тем, чем они были раньше. Ночь, призванная служить цели отдохновения, нередко превращается в тревожную бессонницу или кошмарные сновидения. При этом ананкасты, как известно, критичны к своим страхам и часто воспринимают их как насильственные, неуместные, чуждые. Впрочем, подобное отчуждение от пугающего ничуть не помогает ананкастам снизить психическое напряжение. Они прикованы к своим страхам и тревогам.

Из свидетельских показаний

Личности, у которых определено навязчиво-компульсивное нарушение, демонстрируют определённые очень крайние проявления поведения, вызванного страхом, связанные с ритуальной активностью, а также повторяющимися мыслями и действиями.

– С. М. Джонсон

Иногда уже в детском возрасте обнаруживаются навязчивости, особенно фобии – боязнь незнакомых людей и новых предметов, темноты, боязнь остаться за закрытой дверью и т. д. Реже можно наблюдать навязчивые действия, невротические тики.

– А. Е. Личко

Прежде всего, конечно, психастеник боится за себя самого, за то будущее, которое его ожидает и которое он рисует себе мрачными красками, боится за свое физическое и психическое здоровье. Не менее сильно боится

он за участь своих близких и родных; постоянные тревоги, опасения, беспокойство – вот что наполняет его жизнь...

– *П. Б. Ганнушкин*

Частые здесь ипохондрические переживания, тревожная мнительность, боязнь загрязниться, боязнь воров, негодяев, насекомых, сверхаккуратность, страх смерти, муки совести – все это у ананкаста также чаще всего насквозь навязчиво, то есть чуждо своим содержанием душе, не по жизненному существу.

– *М. Е. Бурно*

Имя фобиям – Легион. Авиафобия, агорафобия, айхмофобия, акарофобия, акнефобия, акрибофобия, аматофобия, амихофобия, ангинофобия, анемофобия, антропофобия, апейрофобия, апифобия, апопатофобия, аритмофобия, атаксиофобия, аутомизофобия, аутофобия, аэрофобия... И это только фобии на одну литеру «А».

В «Толковом словаре психиатрических терминов» В. М. Блейхера и И. В. Крук насчитывается более 300 различных навязчивых фобий. Причём это далеко не предел их числу.

Можно снять шляпу перед скрупулёзностью психиатров (достойной ананкастного перфекционизма) с их повышенным вниманием к нюансировке человеческих боязней. Благодаря присваиванию имени каждому содержанию страха и переводу его на латынь и греческий словарь психиатрических симптомов значительно обогатился наукообразными терминами. Есть ли смысл придавать таким образом самостоятельный вес каждой теме страха – вопрос, требующий отдельного рассмотрения. В деле об ананкастах нас интересует другое. Если количество фобий столь обширно, то в каком же жутком мире живёт человек, где практически любой фактор среды способен стать пугающе опасным? И почему, если все мы живём в одном объективном мире, он становится страшным не для всех людей, а прежде всего для ананкастов?

Конечно, в выборе содержания страхов и их количества один ананкаст может быть не похож на другого. Опасающегося заражения ВИЧ-инфекцией может совершенно не трогать страх перед острыми предметами. Только сам факт стойкой фиксации на пугающем роднит ананкастов друг с другом и значимо отличает от прочих психотипов. Но коль скоро мы рассматриваем дело одного типа характера, то должно быть что-то общее, что объединяет всё многообразие содержания навязчивых страхов под одним знаменателем. Ответить на вопрос, что это, скорее всего, поможет другая неразрывно связанная с фобиями улика – ритуалы.

Улика №2: Ритуалы

Они же компульсии. Компульсии порой также называют навязчивостями, хотя они вторичны по отношению к ним и, по сути, являются специфической защитой от навязчивостей. Это повторяющиеся действия, предпринимаемые ананкастами в ответ на obsessions. Они призваны совладать с тревогой или страхом, символически обезопасить от пугающего агента, отвести беду и на время снять психическое напряжение.

Из свидетельских показаний

Компульсия как своеобразный нейтрализатор призвана снизить тревогу. Так, люди с obsessions в виде боязни заразиться какой-либо инфекцией беспрестанно моют руки до тех пор, пока кожа не начинает облазить и не появляется жжение. Obsessions в виде боязни навредить себе или другим проявляется в бесконечных проверках: выключены ли плита и утюг. Чрезмерная озабоченность соблюдением религиозных и моральных норм снимается компульсиями в форме подсчитывания и проговаривания молитв... Они представляют собой ритуалы, которые исполняются для того, чтобы избавиться от дискомфорта, причиняемого obsessions. Тревога отступает, когда человек обретает ощущение контроля над своим состоянием.

– *Н. Д. Догерти, Ж. Д. Вест*

Психологической защитой от постоянной тревоги за будущее становятся специально придуманные приметы и ритуалы. Если, например, шагая в школу, обходить канализационные люки, не наступая на их крышки, то «не провалишься», отвечая уроки, на экзаменах и т.п.; если не дотрагиваться до ручек дверей, то не заразишься и не заболеешь; если при всякой вспышке страха за мать произносить про себя самим выдуманное заклинание, то с нею ничего плохого не случится.

– *А. Е. Личко*

Многие ананкасты, дабы смягчить свою тревогу, претворяющуюся в мучительные навязчивые ритуалы бесконечного мытья одежды и тела, бесконечные притоптывания и постукивания (чтобы всё было хорошо), отворачивания острых углов и другого острого (например, угол книжки, вилка) от близких людей, чтобы не принести им вреда, и т. д., и т. п. – сами устраивают себе (обычно стихийно) более интересную лечебно-навязчивую работу. Этой часто увлекательной ананкастической работой («плетение» – сочинение в голове детектива, сверхтрудолюбивый поиск метафор для каких-то своих писаний, бесконечное погружение в коллекционирование и т. п.) человек заменяет-вытесняет навязчивости мучительные.

– *М. Е. Бурно*

Иногда логика выбора ананкастами ритуалов понятна. Например, в ответ на навязчивый страх инфекционного заражения усиливаются действия по постоянному обеззараживанию кожных покровов и окружающих предметов. В ответ на мистический страх сглаза выбирается соответствующий магический ритуал кратного чтения молитв. При этом ритуал выступает неким символическим актом противоположным содержанию фобии. «Компульсивные действия часто несут в себе бессознательное значение уничтожения совершенного преступления».

ния», – объясняет Н. Мак-Вильямс действие ритуалов как защитного механизма уничтожения сделанного (аннулирования).

Чем дальше в смысловом плане разведены страх и ритуальное действие, тем запутаннее следы. Порой причинно-следственная связь в выборе форм ритуалов внешне совершенно абсурдна. Так, в «Руководстве по психиатрии» под редакцией А. В. Снежневского описываются довольно причудливые ритуалы ананкастов. Например, один человек с навязчивым страхом смерти, уходя из дома, должен три раза оглянуться на окна своей квартиры, «предотвращая» возможное несчастье. Другой, по пути на работу обязательно должен найти на дороге окурочек сигареты, поднять его и всю дорогу нести с собой для «предупреждения» неудачи в каком-либо деле. Третий должен скрипеть зубами для «исключения» потенциальной беды. Всё это довольно странно, не правда ли?

Но основная загадка ритуалов заключается не столько в кажущейся нелепости, сколько в их относительной эффективности. Приходится признать, что изобретение всевозможных ритуальных актов позволяют обсессивным людям заниматься самолечением, уменьшать психическое напряжение и до поры не обращаться за помощью к специалистам. Компульсии, пусть и кратковременно, помогают ананкастам избавиться от страхов или облегчить их переживание. Ритуалы – некие фокусы, в магию которых совершенно не способны поверить зрители, но которые всё же обладают странной силой для одного человека – самого фокусника. Как такое возможно? Если страх имеет под собой какую-то реальную причину, то каким образом совершение ритуала, часто имеющего лишь символический характер, способно действенно повлиять на восприятие пугающего объекта?

К сожалению, в настоящее время дать исчерпывающий ответ о психологических механизмах терапевтического действия ритуалов не представляется возможным. Даже механизм целительного самовнушения при принятии плацебо (пустышки), который применяется в доказательной медицине при научной проверке успешности фармакологического лечения, не вполне ясен. Интерпретация эффективности ритуалов через самовнушение, архаическое мышление или психологические защитные механизмы если и имеет объяснительную силу, то не в полной степени вскрывает причину необходимости многократного повторения ритуальных действий. В дальнейшем мы попытаемся сформулировать альтернативную версию эффективности компульсий, а пока перейдём к следующей любопытной улике.

Улика №3: Сомнение

Навязчивое сомнение часто выделяют в типичных качествах ананкастного характера наравне с перфекционизмом. Последний не требует пристального внимания в расследовании, так как его проявление психологически понятно. Ананкасты, ориентированные на стандартное, лучшее, эталонное, в своём стиле деятельности, очевидно, должны быть перфекционистичны. Кроме того, трудоголизм и накопленный жизненный опыт рано или поздно принесут плоды в виде хорошей компетентности и высокого уровня мастерства в профессии и творческой деятельности. Но не всё так просто с уликой постоянного сомнения и связанного с ней откладывания дел на потом.

Из свидетельских показаний

Мы видим, что обсессивные люди сомневаются в отношении очевидных вещей, в ситуациях, где нет недостатка информации, который мог бы послужить причиной для обычного сомнения.

– *Д. Шапиро*

Подобного рода паралич – одно из наиболее тяжёлых проявлений отвращения обсессивных людей к совершению выбора. Порой это приводит к неприятным последствиям. Ранние аналитики назвали данный феномен «манией сомнения». Преследуя цель оставить себе открытыми все варианты выбора для контроля (в своей фантазии) всех возможных исходов ситуации, эти люди в конечном итоге не оставляют себе никакого выбора.

– *Н. Мак-Вильямс*

... У личностей с навязчивым развитием сомнения, в самых различных вариантах, играют большую роль. Они являются защитой от опасной спонтанности и такой утраты самоконтроля, которая впоследствии может вызвать раскаяние или сожаление. По мере развития обсессивной личности сомнения могут абсолютизироваться, приобретая самодовлеющее значение и представляя собой замену продуктивной деятельности.

– *Ф. Риман*

Присутствие навязчивого сомнения в ситуации выбора Н. Мак-Вильямс и Ф. Риман, помимо опасения утраты контроля, объясняют стремлением ананкастов найти некое «идеальное», «абсолютно правильное» решение, не сопровождающееся чувством вины, неуверенности и страхом наказания. Но допустим и после принятия решения и совершения выбора, чувство неуверенности может не покидать обсессивных людей даже в мелочах. Например, после покупки какой-либо вещи они могут сомневаться, не прогадали ли они, и долго перепроверять информацию, продавалась ли такая же вещь в другом месте по более низкой цене.

Странность улики сомнения заключается отнюдь не в убеждённости ананкастов, что в любой ситуации выбора должно быть идеальное решение. Непонятна недостаточная способность к различению степени идеальности/неидеальности своих поступков. Ведь человек, ориентированный на лучшее и правильное, должен по определению иметь их чёткий и однозначный критерий. В своей деятельности такой человек может быть не удовлетворён результатом, когда реальное слишком расходится с идеальным, но только не сомневающимся в том, что есть идеал, а что нет. Так откуда, в таком случае, берётся сомнение у ананкастов? Что-то здесь не так.

Улика №4: Удерживающий модус

В психоаналитической теории ананкастному характеру соответствует «анальный характер». Его генезис описывается через неблагоприятную фиксацию на стадии психосексуального развития в возрасте от 1,5 года до 3 лет. Приведём краткое описание Г. Блюмом специфики «анального характера».

Анальный характер. Анализируя структуру характера, Фрейд первым выделил черты, связанные с анальной фиксацией. Считается, что эти личностные черты формируются в процессе конфликтов, возникающих в обучении ребёнка культуре отпражнений кишечника... Среди основных черт анального характера взрослых известны бережливость, раздражительность, педантичность или, говоря проще, скупость, упрямство, аккуратность. Фенихель описывает скупость в качестве преемственной черты от привычки к анальному задерживанию, иногда мотивированному страхом утраты, иногда, в большей мере, эротическим наслаждением.

По мнению З. Фрейда, во время анальной стадии ребёнок впервые сталкивается с социальными ограничениями в виде родительского требования приучения к туалету. Ему приходится самостоятельно сдерживать естественные импульсы к немедленному опорожнению кишечника. Он временно откладывает получение удовольствия от дефекации, но в ответ получает родительское одобрение и поощрение. При этом анальная стадия становится своеобразной матрицей для формирования других навыков самоконтроля и саморегуляции в социальной среде.

Как указывал Э. Эриксон, получение на анальной стадии опыта различения и свободного выбора актов «удержания» и «отпускания» (ассимиляции и элиминации) имеет непосредственное отношение к формированию у человека автономной воли. Но если родители чрезмерно жёстко приучают ребёнка к горшку, то это приводит к дисгармоничному формированию характера с гипертрофировано усиленным «ретентивным модусом» (от лат. retention – задержка). Удерживающий модус затормаживает элиминативные позывы и приводит к излишне длительной задержке в кишечнике фекальных масс. На психологическом уровне это способствует формированию известных ананкастных черт: склонности к накопительству, длительному терпению неудовольствия, скупости, аккуратности, педантичности.

Таким образом, в деле об ананкастах мы находим пострадавшую сторону. Это потребности, требующие элиминативного удовлетворения. Они становятся жертвой. Их свободное проявление не допускается и оценивается как нечто порицаемое и ужасное. Автономия против стыда и сомнения – так обозначил Э. Эриксон ключевой конфликт анальной стадии, в котором у ананкастов побеждает стыд и сомнение.

Если не полагаться полностью на психоаналитическую версию, то можно допустить, что не только анальная стадия исключительно отвечает за усиленные удерживающего модуса в структуре ананкастного характера. Возможно, и другие возрастные периоды, на которые выпадает чрезмерное социальное давление, также ответственны за формирование у человека поведенческой тактики избыточного сдерживания. В этом случае область кишечника – не первичная точка фиксации, а одна из многих телесных и психических сфер, захваченная ананкастным самоограничением.

Впрочем, вопрос о начале формирования obsessивных черт характера не принципиален. Гораздо важнее понять, как ананкасты в столь непростых условиях самоограничения продолжают функционировать в социальном метаболизме. По логике напряжение от хронического сдерживания элиминативных потребностей должно со временем повышаться и рано или поздно привести к серьёзному нарушению жизнедеятельности и дезадаптации. Если мы не видим этого, то должны быть какие-то компенсаторные механизмы в obsessивно-компульсивном образе жизни. Разгадка, в чём заключаются эти механизмы, уже близка.

Найденные улики усиленного удерживающего (ассимилятивного) модуса и ослабленного элиминативного модуса, которые свидетельствуют о нарушении нормального функционирования механизмов обмена со средой (механизмов системы хронификации жизни), дают полное право провести расследование ананкастного преступления методами тифоанализа. Но прежде чем перейти к предварительному анализу, обратим внимание еще на одну важную улику – обсессивное поведение в сфере сексуальности.

Улика №5: Секс

Сексуальное поведение ананкастов имеет свои особенности. Во взаимодействии с партнёрами у них часто обнаруживается поверхностность отношений, затруднения в выражении чувств и привязанности. Хотя межличностная отчуждённость ананкастов в сексе не доходит до степени асексуальности шизоидов, тем не менее в интимной сфере у них далеко не всё радужно. Секс у обсессивных порой превращается в супружеский долг, а долг – понятие, к которому приходится относиться серьёзно и ответственно и которое не подразумевает обязательное наличие удовольствия.

Из свидетельских показаний

Некоторые пациенты с обсессивно-компульсивным расстройством личности имеют сексуальные расстройства. Дискомфорт навязчивых людей при переживании эмоций, недостаток спонтанности, чрезмерный контроль и ригидность не способствуют свободному и комфортному выражению их сексуальности. Обычными сексуальными дисфункциями навязчивого человека являются подавленное половое влечение, аноргазмия, преждевременная эякуляция и болезненное половое сношение.

– А. Фримен, А. Бек

Не ко всякой человеческой деятельности следует подходить с точки зрения рационального анализа, но это можно делать при решении проблемы, требующей разрешения. Человек, с которым я проводила первичное интервью, на вопрос о характере его сексуальных отношений с женой мрачно и с нажимом ответил: «Эту работу я выполняю».

– Н. Мак-Вильямс

При тяжёлых навязчивых расстройствах для таких личностей основным является требование, чтобы партнёр «функционировал» пунктуально, точно, надёжно и бесперебойно, как хорошо смазанная машина, без собственных желаний и эмоциональных запросов. Вместо любящего обмена взаимными требованиями и вознаграждениями отношения строятся на условиях и предписаниях, которыми партнёр обязан руководствоваться. Можно себе представить, каким холодным и «запрограммированным» является такой брак, при котором сексуальность реализуется с регулярностью железнодорожного расписания, как некое исполнение долга в порядке очереди, не зависящее от влечения и расположенности.

– Ф. Риман

Нет ничего удивительного, что на сексуальную сферу жизни накладывается ананкастный отпечаток рациональности, пунктуальности, контроля. Эти свойства естественны и эгосинтонны для ананкастов. Они способны организовать секс никак иначе, а исключительно по-ананкастному. Конечно, такой отчуждённый и регламентированный секс может доставлять дискомфорт другому партнёру, ожидающему от сексуального контакта большей экспрессии, чувственности и спонтанности. Это будет проблемой для партнёра, но по логике это не должно становиться большой проблемой для самого ананкаста. Тем не менее нередко обнаруживается, что ананкасты подвержены значительным сексуальным дисфункциям. Почему? Возникает подозрение, что дело не просто в несходстве стилей проявления сексуальности у двух

людей. Если сексуальная потребность в целом не находит удовлетворения, то для этого должны быть более основательные причины.

Предварительные размышления

Улика наличия проблем в сексе свидетельствует о том, что ананкасты часто воспринимают сферу сексуальности в определённом негативном свете. Как такое возможно, если секс – это удовольствие? Ответ: возможно, когда получение удовольствия вступает в конфликт с другими потребностями. Суть конфликта интересов для ананкастов, как людей склонных к чрезмерному подчинению диктату морали и социальным требованиям, достаточно очевидна.

Даже не обладая теоретическими знаниями в психологии, люди способны интерпретировать поведение человека в понятиях направленности его на удовлетворение личных потребностей (эгоистических) или на удовлетворение потребностей других (альтруистических, общественных). При этом показательно, что в обществе эгоистические потребности часто заслуживают порицание, а эпитет «эгоист», несмотря на все протесты психологов, используется в качестве ругательного. Конкуренция и конфликт эгоистических потребностей и потребностей общества здесь налицо³.

Положение дел таково, что в любом биологическом удовольствии непосредственно присутствует эгоистический момент: индивид что-то получает сугубо для себя в обход общественным интересам. Он не направляет имеющиеся у него ресурсы на «полезную работу» поддержания социальных связей и структур. Поэтому общественное мнение и социальные институты всегда очень ревностно относятся к удовлетворению потребностей, приносящим человеку большое удовольствие, особенно, к формам удовольствия, достигаемым вне и помимо общества.

Стоит ли удивляться, что именно сексуальным потребностям досталось от общества по полной программе. «Маленькой смертью» (*la petite mort*) называют французы пик сексуального удовольствия с оргастической разрядкой. По всей видимости, общество интуитивно воспринимает это мощное переживание удовольствия в качестве выражения некой временной символической смерти социального контроля и достижения личной независимости.

Особенно преуспели в ограничении сексуальности религиозные предписания. Книга Д. Кон-Шербока, Д. Д. Крайсайдса, Д. Эль-Алами «Истинная вера, правильный секс. Сексуальность в иудаизме, христианстве и исламе» наглядно иллюстрирует до какого абсурда и комичности может прийти регламентация секса в вероучениях. Религиозная мораль готова без устали и до предельной мелочности генерировать условные нормы – кому, с кем, когда, где, как и сколько. В тех же конфессиях, в которых сексуальное влечение получает ярлык порочности и греховности, ограничения могут становиться крайне садистическими.

В ущемлении свободы выражения сексуальных и других эгоистических потребностей со стороны социума по отношению к человеку нет какой-то злонамеренности. Так срабатывает общественный инстинкт самосохранения. Дело в том, что индивидуум не является неисчерпаемым ресурсом. Если где-то в его активности прибыло, то где-то убыло. Для поддержания социальных институтов нужна энергия, затраченная работа. Поэтому общество встраивается в психическую экономику человека и предписывает ему откладывать достижение личных интересов на потом. При этом удовлетворение эгоистических желаний не полностью воспрещается, а допускается через опосредованные социальные звенья. Человек имеет право на удовольствие,

---

³ В психоаналитической концепции данный конфликт традиционно рассматривается как конфликт между потребностями двух инстанций психики – Ид и Суперэго. Соответственно, в буквальном обозначении, это конфликт между биологическими «ид-истическими» потребностями и общественными «суперэгалными» потребностями, где задача третьей инстанции – Эго найти оптимальный компромисс в конфликте и добиться реализации ид-истических интересов в условиях суперэгалных ограничений. Такая психоаналитическая модель удобна, но в целях минимизации специальной терминологии, будем говорить о личных (эгоистических) и общественных (альтруистических) потребностях.

но лишь как награду за правильно прожитую общественную жизнь, напряжённый труд и добрые альтруистические поступки.

Обычно в противоречии эгоистического и общественного, в конфликте «хочу» и «должен» здоровые люди находят оптимальный компромисс: кесарю – кесарево, а себе – своё. Даже формула золотого альтруистического правила «Делай людям то, что ты хочешь получить от них для себя» включает эгоистический компонент – необходимость получить что-то для себя. Но ананкасты на такие компромиссы плохо способны.

Насколько сильно ананкасты ограничивают свои эгоистические потребности, наглядно проявляется в их неспособности к расслаблению и отдыху. Состояние лени или ситуация отсутствия насущных дел создают благоприятные условия для снижения волевого самоконтроля и релаксации. Но в ту же минуту обсессивное сознание настойчиво атакуют тревожные мысли и чувство вины за попусту растрачиваемое время. Ананкасты начинают смутно подозревать, что совершается нечто недопустимое: они посвятили досуг исключительно для себя, осмелились делать то, что «хочется», а не то, что «нужно». Безделье немедленно прерывается, и они бегут прочь от малейшего эгоизма в тотальный трудоголизм.

Только благоприятное разрешение конфликтов на анальной стадии психосексуального развития, по Э. Эриксону, приводит к устойчивой формуле идентичности – «Я есть то, чего я могу свободно желать». В противном случае стыд и сомнение подавляют свободу самовыражения и ведут к формированию обсессивной личности. В её картине мира нет чёткого различия должного от желанного и, следовательно, нет выбора. Если должное становится равным «хочу», то человек перестаёт чувствовать себя, утрачивает способность разграничивать свои и чужие потребности и со временем всё дальше уходит от своего подлинного «я».

Для многих навязчивых людей характерно мышление в понятиях «нужно» и «должен». Этот примитивный, абсолютистский и моралистический стиль мышления приводит к тому, что они делают то, что должны делать согласно их строгим внутренним стандартам, а не то, что они хотят делать или что предпочтительнее делать. Это придаёт задачам силу императива и заменяет собой личные желания как первичный источник мотивации. Навязчивый человек считает, что если он не сделал того, что «должен», он обязан испытывать чувство вины. Кроме того, если другие не делают то, что «должны», они заслуживают гнева и осуждения.

– А. Фримен, А. Бек

Обсессивно-компульсивный пациент вовлечён в конфликт между подчинением и неповиновением. Как если бы он всё время спрашивал себя: «должен я быть хорошим или могу быть гадким?» Это приводит к постоянному чередованию эмоций страха и злости – страха, что он будет уличён в «плохости» и наказан, и злости, связанной с его желаниями и подчинением авторитетам...

– Р. А. Маккиннон, Р. Майклс, П. Дж. Бакли

Таким образом, для обсессивных людей социальные требования, примат общественного, императив «должен» приобретают абсолютную силу и ценность. Закономерно, что такой дисбаланс потребностей не только приводит к проблемам в сексе, но и в целом препятствует свободному получению от жизни больших и малых эгоистических радостей. «Оно, конечно, так-то так, всё это прекрасно, да как бы чего не вышло», – в который раз проговаривает чеховский Человек в футляре заклинание самоограничения.

Непосредственное чувство малодоступно психастенику, и беззаботное веселье редко является его уделом.

– *П. Б. Ганнушкин*

Любое удовольствие, не связанное с деятельностью, считается предосудительным, а проявление чувств – признаком распушенности.

– *Ц. П. Короленко и Н. В. Дмитриевой*

Наслаждаться жизнью такой, какая она есть, ананкастам не дано. В социальном метаболизме они уступают требованиям окружающих и позволяют себя поглотить. Обсессивные люди слепо подчиняются социальным интроектам, они не могут свободно их выбросить и открыто проявить сопротивление. Даже если у отдельных ананкастов обнаруживается оппозиционность к конкретной общественной системе, она не заменяется в их сознании эгоистическими установками, но только новыми «правильными» морально-этическими ограничителями. Другими словами, ананкасты – это всегда порядочные люди, но некоторые из них придерживаются своих особенных представлений о порядке.

Безоговорочная подчинённость ананкастов социуму наглядным образом проявляется даже в такой отдельно взятой черте как пунктуальность. Обсессивные не могут позволить себе быть неточными, не успеть в срок выполнить работу или опоздать к назначенному часу. Для них непунктуальность – проявление не просто человеческих слабостей, а вопиющее попрание общественных договорённостей, что, пускай и в малом масштабе, равно бунту и преступлению против социального порядка.

Безусловно, следование требованиям семьи, работодателя, церкви, государства – есть выражение приспособления к среде, приносящее свои реальные плоды. Но оно становится дезадаптивным в случае чрезмерности, жёсткости и ригидности.

Можно пояснить механизм достижения равновесия эгоистического и альтруистического на примере известного «зефирного теста» (он же «тест с пастилой» и «маршмеллоу-тест»). В 60-х годах психолог У. Мишел провёл с детьми определённого возраста серию экспериментов. Ребёнку давался кусочек пастилы, после чего его оставляли наедине с лакомством. Перед уходом экспериментатор говорил ребёнку: «Ты можешь съесть пастилу прямо сейчас, но если ты дождёшься моего возвращения, я дам тебе не один, а два кусочка». Одни дети выполняли поставленное условие и получали удвоенное вознаграждение, другие – нет⁴

---

⁴ Показательно, что для того, чтобы заблокировать желание выбросить из головы социальную установку на терпение, дети не просто пребывали в пассивном ожидании, а реципрочно затормаживали своё желание сразу съесть сладость противоположной активностью, в которой можно усмотреть признаки удерживающего модуса и смещенной элиминации. Например, кто-то из детей пел, кто-то играл, кто-то закрывал глаза, некоторые даже засыпали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.